

Как обычно, Марин проголодалась и бродила по переулку. Даже остатки чьей-то гнилой еды или напитков были для неё прекрасной пищей. В своём мозгу, лишённом питания, она думала, что умрёт, если не сможет положить что-нибудь в желудок.

Марин шла, пошатываясь, её зрение затуманилось, и она потеряла все чувства, которые обычно испытывала к собственному телу.

Ей следовало бы поискать еду, но она не могла понять, где находится и куда направляется. Сон на открытом воздухе не мог помочь ей хорошо отдохнуть, а хроническая бессонница и её разум и тело, которые были близки к бессоннице, уже жаловались, что они были на пределе. Даже если Марин и знала об этом, она ходила, ни о чём не думая, и даже не знала, где находится.

Марин двигала ногами до тех пор, пока не устала, и поняла, что упала в обморок, когда собиралась моргнуть, потому что открывшееся ей зрелище было очень красивым.

-

Она не могла понять ситуацию, но у неё не было сил удивляться. Тем не менее, она смогла понять, что великолепный потолок, простиравшийся перед её расплывчатым взором, не был небом.

Она не могла видеть небо, это место было не снаружи.

- Ты проснулась?

- Нх...!

Пока она осмысливала эти два факта, до ушей Марин донёлся голос кого-то, кто вошёл в комнату без единого звука, заставив её рефлексивно захотеть встать с кровати, но она могла только приподнять плечи на матрасе.

Её голос был хриплым, и даже тепло, которое окутывало её тело, казалось тяжёлым. Её нынешнее тело было таким же, как у марионетки с оборванными нитками, и она не могла найти способ его сдвинуть.

- Я принесла тебе поесть, но ты можешь это съесть?

-

- Я принесла напитки, так что будет лучше, если ты сначала увлажнишь горло.

Марин почувствовала, как из кончика соломинки у её рта потек тонкий холодный воздух. Вместо того чтобы понять, что прозрачная жидкость внутри чашки была водой, она смирилась с тем, что её голод предвкушал скорое появление чего-то внутри. Марин не могла хорошо двигаться, как она ожидала, но жадно пила воду от счастья.

Движением, от которого она почувствовала усталость, она понемногу увлажнила горло, и свежая вода, которую она наконец смогла выпить после долгого времени, удовлетворила её тело даже в небольшом количестве.

Благодаря холодной воде в голове у неё прояснилось. Марин всё ещё не могла нормально двигаться, но её затуманенное зрение вновь обрело свою чёткость. Впервые она узнала лицо человека, который стоял рядом с ней.

- Если ты сможешь, ты должна поесть, даже если немного, но.. даже если ты можешь пить только воду сейчас, всё должно быть в порядке.

У этого человека были светло-серые, коротко подстриженные волосы. Они выглядели мягкими и одновременно элегантными, подчёркивая ореол головы этого человека. У этого человека также были круглые и большие глаза, напоминающие кошачьи глаза цвета неба, которые вот-вот расплачутся. Белая блестящая кожа была слегка розоватой, а маленькие губы были яркими, как будто они высмеивали существование тёмно-красного цвета.

Одетая в белую рубашку и чёрные шорты с подтяжками, она не использовала никаких украшений, но даже так ей было достаточно, чтобы выделиться.

Эта совершенная красота была похожа на сказочный клад. Марин была убеждена, что этот человек скорее ангел, чем человек, но их пол был неясен.

На первый взгляд это был удивительно красивый мальчик. Ни его тон, ни одежда не указывало на то, что она одного с ней пола.

И всё же неуместное чувство, которое Марин не могла стереть, мешало ей определиться с её полом.

Этот человек выглядел так, будто он был моложе Марин. Красота этого лица делала неясным не только их пол, но и возраст, но он всё ещё не выглядел старше её, а также не в том возрасте, когда этот человек может считаться маленьким ребёнком.

Он был не слишком маленького роста. Даже по сравнению с Марин, которая считалась самой высокой среди детей того же возраста, что и она, этот человек был достаточно высок, чтобы заставить всех согласиться, что они не были коротышками.

У него был хороший цвет лица, и он, казалось, ни в чём не нуждался. Этот человек должен

быть нормальным мальчиком, который выглядит очень здоровым, но...

Почему его фигура и телосложение, которые отражались в поле зрения Марин, выглядели такими ненадёжными?

- Ты, ооу... кто?..

А ты кто такой? Где я нахожусь?

Марин не могла вымолвить ни слова и чуть не закашлялась. Она мысленно закончила плохо высказанные фразы.

Несмотря на то, что Марин постепенно приходила в себя, этого было недостаточно. Её пересохшее горло не обладало достаточной силой, чтобы восстановить свою первоначальную функцию с небольшим количеством воды.

- Я...

Изо рта, который должен был дать ей ответы, сочился только воздух.

Человек опустил глаза и с некоторым колебанием сжал губы. Но это было только на мгновение.

- Я Виолетта Рем Ваан.

В это время, сколько конфликтов было у Виолетты в голове? Сколько решимости и мужества она собрала здесь?

Марин вообще не могла себе этого представить, дрейфуя между сном и реальностью.

Только через десять дней состояние Марин улучшилось, и она наконец смогла говорить.

× × × ×

- Разве ты не будешь здесь работать?

- ...А?

Десять дней назад Марин бродила по округе в поисках еды, и, по-видимому, она пришла к парадной двери семьи Ваан в её затуманненном состоянии ума. Слуга, который нашёл её,

сообщил об этом Виолетте, и они заботились о ней в течение первых десяти дней.

Услышав это, Марин извинилась и поблагодарила Виолетту, а затем спросила, не может ли она чем-нибудь отплатить ей. У Марин не было ни денег, ни дома, ни даже достаточного количества пищи, но она с силой прижалась лбом к полу, говоря Виолетте, что сделает всё, что в её силах.

То, что Виолетта ответила на этот вопрос, были теми словами из прошлого.

В отличие от Марин, которая была явно озадачена, выражение лица Виолетты было полным уверенности, как будто она говорила, что у нее есть хорошая идея.

- В особняк мало кто приходит и уходит, и... я не могу часто выходить, к тому же мои слуги в основном взрослые, и мне скучно. Если ты хочешь, не будешь ли ты работать на меня, как моя личная слуга?

Она сидела на стуле, скрестив ноги, и явно была похожа на благородного сына. Это была семья Герцогов, и Виолетта была дочерью этой семьи, так что впечатление, которое она выказывала, должно было быть правильным. Тем не менее, Марин всё ещё чувствовала себя неловко, не в состоянии принять это.

Однако Марин была не в том положении, чтобы спрашивать об этом, и она полагала, что возникнут проблемы, если она станет служанкой семьи.

Во-первых, глава этой семьи... родители Виолетты наверняка воспротивятся этому.

Марин отклонила предложение по этой причине, но....

- Не беспокойся о моих родителях. Они... ничего не скажут и вообще сюда не придут.

Были ли они слишком доверчивы к ней, или это была чрезмерная забота, которая позволяла Виолетте делать всё, что угодно?

Для Марин, которая жила, не зная, каково это - быть любимой родителями, это была неизвестная территория. Правда, она испытывала какую-то зависть, похожую на ревность. Так или иначе, Марин испытывала к Виолетте негативные эмоции, даже если это была не ненависть.

Однако само предложение было до смешного привлекательным. Этого было достаточно, чтобы заставить её отчаянно хотеть этого, и Марин не было нужды отказываться, пока она не испытывала никаких опасений рядом с Виолеттой.

Чем больше она прислушивалась к условиям, тем сильнее становились эти мысли.

Она получит деньги, жильё, еду и одежду. Это было абсурдно, когда она сравнивала это с тем, чем зарабатывала себе на жизнь до сих пор.

Марин прекрасно избавится от своей ревности к Виолетте, если только сумеет выбраться из нынешней жизни.

Всё, что делала Марин, должно было быть только для её выживания. И всё же... Когда она начала думать, что что-то было странным?

Отец, которого она ни разу не видела. Мать, которая не хотела встречаться ни с кем, кроме Виолетты. Виолетта, которая не выходила из комнаты матери.

Марин была нанята, чтобы стать партнёром Виолетты, но у неё было очень мало возможностей сделать эту работу. Другие слуги много чего рассказывали Марин, у которой было слишком много свободного времени, а также уклонялись от многих её вопросов.

Не входите в комнату мадам. Потому что она очень рассердится.

Не говорите о Герцоге в присутствии мадам. Потому что она очень, очень рассердится.

Не говорите о Виолетте-сама там, где мадам может вас услышать. Потому что она очень, очень, очень рассердится.

Потому что ты причинишь боль Виолетте-сама.

Марин рассказывали это снова и снова, с печальными глазами и печальными лицами. Они сказали ей просто защищать её и никогда не ломать.

Марин не поняла, что они имели в виду, и спросила почему, но они только сказали ей, что мадам рассердится. Все настаивали на том, что это правило должно соблюдаться, если она работает здесь.

Марин обнаружила причину всего через несколько месяцев после того, как начала работать.

× × × ×

Дверь в комнату мадам, которая всегда была плотно закрыта, была слегка приоткрыта.

Марин не собиралась подглядывать, она просто подумала, что должна закрыть её. Когда она

приблизилась к комнате, то услышала голос изнутри, поэтому её взгляд сам соскользнул в комнату.

- Привет...!?

Марин проглотила крик, который вот-вот должен был вырваться наружу. Она закрыла рот обеими руками, потому что если она этого не сделает, то не только закричит, но и её вырвет.

- Ах... ты действительно красивая.

-

- Даже волосы, глаза и кончики ногтей у тебя одинаковые... чудесно, как чудесно!..

Мадам протянула руку с дивана, на котором сидела, и продолжала гладить щёки и волосы Виолетты, которая стояла перед ней снова и снова.

Мать гладила своего ребёнка. Хотя на словах это должно было бы звучать приятно, то, что Марин увидела, не было таким уж драгоценным поступком.

В отличие от спокойных и сияющих глаз матери, в глазах Виолетты не было никаких эмоций. Марин думала, что Виолетта прекрасна, как ангел или кукла, но в конце концов это была всего лишь метафора. Виолетта была человеком с кровью, текущей внутри её тела. Она должна была быть человеком, но...

Лицо, которое увидела Марин, было похоже на безжизненную куклу. Разница в энтузиазме между Виолеттой и её матерью, которая счастливо наслаждалась этим, была жуткой.

И, прежде всего, причиной, по которой Марин хотелось кричать и рвать, была...

(Виолетта, сама...?)

На стене, на полке и на письменном столе висели фотографии. На полу были беспорядочно разбросаны фотографии. То, что проецировалось во всех них, было одним и тем же человеком.

Седые волосы, мутные глаза, белая кожа и красные губы. С чертами лица, прекрасными, как у ангела, Марин подумала, что это Виолетта. Причёска и выражение лица были так похожи, что очень трудно было найти разницу.

Марин подумала, что это было странно, когда она поняла возраст человека на этих фотографиях.

Сначала Марин подумала, что это фотографии из детства Виолетты, но человек, который был внутри этих фотографий, постепенно рос, минуя возраст Виолетты, и внезапно стал взрослым мужчиной.

Марин уже видела это лицо раньше. Это был жених на свадебной фотографии, выставленной у входа в этот дом.

- Ну же, скажи это. Как ты меня зовёшь...?

- М-мама.

- Неправильно.

Голос мадам звучал душераздирающе, жестоко. Это было не просто отрицание, а явный отказ, неприятие. Цвет ненависти, который таял в её глазах, не должен был быть эмоцией, которую она должна была направить на ребёнка, назвавшего её матерью.

- Неправильно, скажи, как правильно?...

- ...Белл..ероз.

- Да, хорошо. Скажи это ещё раз.

- Беллероз.

- Да, ещё раз...!

Сцена, которая повторялась снова и снова, была похожа на ад.

Причина, по которой она не должна была входить в комнату мадам, заключалась в том, что это место было её раем.

Причина, по которой она не должна была говорить о Герцоге, заключалась в том, что это разрушило бы её мечты.

Причина, по которой она не должна была говорить о Виолетте-сама, заключалась в том, что...

Для мадам она не была Виолеттой.

Для неё Виолетта была не ребёнком, а любимым мужем - Олдом.

- Кхаах...!!

Тело Марин пошатнулось от невыносимой тошноты. Акт чистого безумия, который был продемонстрирован перед её глазами, разрушил моральные ценности, которые были у Марин.

Она не могла вынести этого зрелища, она не хотела его видеть. Она не могла вынести этой ужасной сцены и хлестала своё тело, которое потеряло силу, чтобы начать убегать.

- Я люблю тебя, я люблю тебя... Олд.

Голос, который Марин услышала у себя за спиной, был незабываем, даже спустя семь лет.

Признание для её любимого человека было безошибочным проклятием.

<http://tl.rulate.ru/book/20460/759810>